

Александр ТИХОНОВ

ДИСКУРС ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ ДИСКУРСА В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена проблеме взаимосвязи дискурса власти и власти дискурса в современном информационном обществе. Дискурс власти рассматривается как способ реализации властных полномочий, власть дискурса исследуется в аспекте влияния дискурсов на сознание людей и сообществ.

The article is devoted to the problem of interconnection between the discourse of authority and the power of discourse in the modern informational society. The discourse of authority is examined as a way of realization of power authorities; the power of discourse is examined in aspect of discourse's influence on a human and society consciousness.

Ключевые слова:

дискурс власти, власть дискурса, информационное общество; discourse of authority, power of discourse, informational society.

В современной философии и во многих гуманитарных науках активно используется многозначное понятие «дискурс власти». При этом, как бы по умолчанию, подразумевается, что наличие взаимосвязи дискурса и власти общепризнано, не вызывает существенных сомнений и возражений. Однако, по нашему мнению, помимо явного феномена дискурса власти, существует не менее важный и комплементарный ему феномен власти дискурса, осознаваемый в меньшей степени. Поэтому исследование конкретных механизмов и способов взаимосвязи дискурса власти и власти дискурса в различных сообществах требуют детального и специального анализа в философском, культурологическом, политологическом и других аспектах.

В самом общем смысле дискурс — это способ и форма организации и упорядочения человеческой деятельности и реальности в целом. Но поскольку наша речь вербализует, выражает, оформляет данные процессы, то язык начинает считаться главной формой дискурса. Поэтому язык и дискурс часто отождествляются. Словосочетание «вербально-дискурсивный» явно показывает это широко распространенное и не вполне корректное отождествление. При этом следует учитывать, что дискурсивность как особый процесс и способ достижения определенности и упорядоченности может базироваться на иных основаниях. Так, спортивные состязания выступают в качестве особого дискурса, обладающего своими правилами и логикой. Также вполне дискурсивен язык телодвижений, танец — это своеобразный «тайнец». Музыка — это тоже особый дискурс, но она выражает сложнейшую динамику переживаний, чувств и предчувствий. М. Фуко писал, что его «задача состоит не в том, ...чтобы рассматривать дискурсы как совокупности знаков, ...но в том, чтобы рассматривать их как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят»¹. Данное «систематическое образование объектов» с помощью «дискурсивной практики» чрезвычайно характерно для дискурса власти, реализации властных полномочий и формирования отношений «власти — подчинения» в сферах человеческой деятельности. «Воля к власти», как и «воля к смыслу», взаимосвязаны, существуют реально и оказывают существенное, зачастую определяющее воздействие на жизнедеятельность людей.

Данные соображения позволяют применять понятие дискурса

ТИХОНОВ
Александр
Александрович —
д. филос. н.,
профессор;
заведующий
кафедрой
философии и
культурологи УлГПУ
им. И. Н. Ульянова
A—lex.Tihonov@
yandex.ru

¹ Фуко М. Археология знания / пер. С. Митина, Д. Стасова. — Киев: Ника-центр, 1996, с. 24.

не только к вербально-дискурсивной деятельности, но и к самым разнообразным формам социокультурной деятельности человека и общества. При этом язык не только выражает или проявляет дискурс, но и может вступать с ним в самые различные отношения.

В большинстве словарей власть понимается как особый социально-психологический, политический и экономический феномен, определяющий систему господства и подчинения в различных сообществах, предполагающий оформление властных отношений, наличие субъекта и объекта власти, центра и источника власти и т.п. Следует отметить, что практически невозможно выработать и эксплицировать исчерпывающее определение власти.

Дискурс власти как особая семиотическая система тесно связан с демонстрацией реалий и символов, выражающих социальный статус и полномочия субъекта или агента власти. Любой дискурс при этом обладает определенными возможностями властного воздействия на людей, и любая власть проявляется в дискурсе, в демонстрации своей значимости. Эта демонстрация власти и ее могущества осуществляется в различных сферах общественной жизни с помощью многих средств, способов, символов и т.п. К внешним формам такой демонстрации можно отнести использование униформы в армии, полиции, прокуратуре и других государственных структурах. Человек, облаченный в униформу со знаками отличия, воспринимается не как конкретный индивид, а как носитель властных полномочий, выразитель государственных интересов. Внешними формами дискурса власти могут быть не только мундиры и мантии судей, но и целый ряд символов — от короны, скипетра и державы до медалей, орденов и т.п. В современной России, как известно, номера автомобилей и «мигалки» также выступают как выражение дискурса власти, но в опошленном, карикатурном виде. В качестве фундаментальных проявлений дискурса власти выступают политическая воля, программы партий, социально-экономические реформы и другие важнейшие факторы и формы деятельности субъектов политики. В современном обществе дискурс власти реализуется главным образом в рациональном администрировании, т.е. в

бюрократическом управлении. Процессы информатизации, компьютеризации и т.п. способствуют развитию и широкому распространению подобного администрирования.

Проблемы осуществления политической власти, ее приемы и технологии со времен Платона и Аристотеля рассматривались на протяжении столетий многими философами, учеными и политиками. Аристотель во многом был прав. Человек действительно по своей природе «животное политическое». Уже на этих архаических стадиях можно увидеть взаимосвязи дискурса власти и власти дискурса. В дальнейшей эволюции «первобытные» коллективы, роды, племена и т.п. широко применяли различные виды и формы собственно дискурсивных практик — от шаманских заклинаний, мистерий и изучения мифологии в процессах инициации до советов вождей и старейшин, принимающих судьбоносные решения. Власть на этих этапах развития общества не была отчуждена и не была поставлена над сообществом как высшая и трансцендентная сила. Коллективный разум и интуиция как выражение «коллективного бессознательного» опыта сообществ были, по всей видимости, реальным источником и субъектом принятия властных решений. Дискурс власти и власть дискурса были органически связаны и взаимообусловлены. Длительное доминирование мифологического сознания как особой власти дискурса во многом определяло характер дискурса власти. Мифические герои, такие как Тесей, Персей, Одиссей и др., были не только носителями властных полномочий, как правило, басилеями — военными вождями, но и по своему происхождению считались прямыми потомками богов и древних героев. Легитимность и действенность дискурса их власти определялись фактически как их выдающимися интеллектуально-волевыми способностями, так и властью мифологического дискурса, воспринимаемого их соплеменниками, как правило, внерационально.

В период «зрелой» античности при институционализации власти, формировании государства и его публичных органов власть не только доминирует над сообществом как управляемым объектом, но, как правило, и сакрализуется. Любая власть — от Бога, «Богу — богово, кесарю — кесарево». Такое понимание природы

власти характерно для длительного периода в истории человечества и сохраняется ныне во многих странах и культурах.

Индустриальная цивилизация неизбежно широко воспроизводит научную, логически и эмпирически обоснованную рациональность в ее классической форме. Субъект познания и субъект власти дистанцируются от реальности, становятся над действительностью, постигают, «вырабатывают» и эксплицируют законы, которым подчиняются и следуют объекты познания, а также подвластные социальные группы, люди, отношения и т.п. Век Просвещения, во многом совпадающий с ранними этапами развития индустриальной цивилизации, привел к возникновению целого «пакета» философских учений, наиболее значимые из которых определяются как разновидности философии сознания. Дискурс власти в контексте философии сознания рассматривается в качестве своеобразной вторичной реальности, производной от власти дискурса, от разумного общественного договора, от деятельности сознания и достижений науки, рационального мировоззрения. Не случайна популярность платоновской мифологемы просвещенного монарха в эпоху Просвещения и в последующие столетия.

Информационное, или постиндустриальное, общество возникает, как известно, в конце XX и начале XXI в. и продолжает развиваться опережающими темпами в высокоразвитых странах. Многие аспекты и тенденции развития информационного общества описаны в работах Э. Тоффлера, Й. Масуда, Д. Белла, М. Кастельса и других современных мыслителей. В самом общем плане эти ученые и философы описывают реальный рост значения в жизни современного общества процессов производства, распространения и применения информации. В этом обществе «третьей волны», по мнению Э. Тоффлера, на смену централизации и массовизации приходят противоположные тенденции — деконцентрации, децентрализации, дестандартизации, информатизации и т.п. В политической сфере в большинстве стран на смену жесткому централизованному дискурсу власти приходят более скрытые и изощренные формы управления в виде власти дискурса. Это определяется целым рядом обстоятельств и факторов.

Во-первых, декларируемыми многими

странами в их конституциях и законах идеями демократии, свободами и правами граждан этих стран. На международном уровне эти права и свободы выражены во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г.

Во-вторых, как показывает исторический опыт, насилие и ограничение свободы человека в различных сферах его жизнедеятельности ведет, как правило, к снижению мотивации деятельности, эффективности работы, к негативным социальным и психологическим последствиям. Поэтому даже при реальном отсутствии или существенном ограничении свободы граждан правящие классы и элиты вынуждены создавать видимость свободы и активно пропагандировать эту видимость с помощью масс-медиа, идеологии как особой власти дискурса, навязываемого всему сообществу. Дискурс власти как основная опора режима нуждается в своеобразной дополнительной опоре — «второй ноге», т.е. власти дискурса. В условиях информационного общества этот фактор изменяет восприятие реальности и приобретает важную, подчас определяющую роль для стабильности власти.

В-третьих, в информационном обществе большую роль играет повсеместность и общедоступность среднего и высшего образования, не только формирующего у людей систему знаний и преимущественно научную картину мира, но и закладывающего основы рационального, критического мышления, стремление к самостоятельности, свободе мнений. Рациональное мышление, как правило, десакрализует сам феномен власти, низводя ее «с небес на землю».

В качестве других факторов следует указать на компьютеризацию многих сфер жизни людей, формирование массовых «сетевых сообществ», во многом альтернативных государству и его институтам, взаимодействие различных религий, идеологий, эзотерических практик, молодежных субкультур и т.п. Особую роль играет распространение информации по Интернету как особой «зоне свободы», стоящей вне «силовых линий» господствующего дискурса власти и над ним, несмотря на многократные попытки поставить ее под контроль государства. Из всего этого следует вывод о принципиальном изменении соотношения дискурса власти и власти

дискурса в информационном обществе. Все «силовые акции» и попытки управлять современными сообществами с помощью насилия обречены, как минимум, на неэффективность. Еще Наполеон сказал, что с помощью армии и штыков можно захватить власть, но «сидеть на штыках невозможно».

В общетеоретическом плане взаимосвязь дискурса власти и власти дискурса можно понимать в узком и традиционном плане взаимодействия политики и идеологии, государства и гражданского общества, материальной и духовной культуры. Однако смысловой контекст проблемы взаимосвязи дискурса власти и власти дискурса более широк и в этом плане тяготеет не к политологической, а к философской проблематике. Дело в том, что категория власти по своему объему и содержанию более обширна и многогранна по сравнению с политикой и государством. Власть, как известно, может быть светской и духовной, патриархальной и династической, олигархической и номенклатурной. Так же и в отношении отличия политической идеологии от власти дискурса следует заметить, что идеология обычно выражает интересы определенных социальных групп, классов, сообществ и ее содержанием являются отдельные доктрины, учения, мифологемы и т.п. Как правило, многие разделы науки, такие как логика, математика, физика и т.п., в состав идеологии не включаются, однако их содержание и их претензии на объективную истинность, аподиктичность, точность и обоснованность позволяют рассматривать их в качестве наиболее выраженного проявления власти дискурса, т.е. определенной принудительности и убедительности в восприятии и усвоении знаний и «логики» подобных дисциплин. Другими примерами власти дискурса служат религиозные учения, мифологемы, архетипы коллективного бессознательного, современные мемы и мемплексы как «вирусы сознания» и прочие подобные «продукты», матрицы и формы когнитивной деятельности человека, сообществ и человечества в целом.

В качестве основных можно выделить 3 способа властного управления или манипуляции людьми и сообществами. 1-й способ – принуждение и прямое насилие. Оно носит упрощенный и принудительный характер, направлено на дости-

жение внешнего контроля и управления поведением человека и сообщества. 2-й способ – управление и манипуляция потребностями, интересами и мотивами жизнедеятельности человека и сообщества в целом. В этом способе органически сочетаются внешние и внутренние аспекты манипуляции как поведением, так и сознанием. Основные рычаги подобного воздействия хорошо известны – это экономические интересы, социальные мотивы, престижные потребности и т.п. 3-й способ манипуляции обращен на внутренний мир человека, на содержание и динамику развития сознания, сферу ценностных ориентаций, идеалов, убеждений и т.п.

Сфера действия дискурса власти, конечно же, распространяется на все 3 основных способа управления, однако в большей мере она характерна для «внешних» – 1-го и 2-го способов манипуляции. Власть дискурса, напротив, наиболее присуща 3-му способу – манипуляции сознанием и виртуализации, характерным для информационного общества.

Общая «природа» политической власти, представляющей собой своеобразный силовой скелет общественного организма, состоит не столько в прямом насилии, сколько в необходимости мобилизации ресурсов, управлении различными сферами общественной жизни для достижения как явных, провозглашаемых в рационализированной идеологии, так и неявных, скрываемых и подразумеваемых целей и ценностей реальных субъектов политики – правящих классов, партий, элит, лидеров и т.п. Однако, как уже отмечалось, информационная цивилизация существенно преобразует обе стороны власти – активную и пассивную, а также меняет соотношение дискурса власти и власти дискурса. При возрастании роли информации, разума, креативных способностей человека насильственные способы управления, принуждение в его явном виде не исчезают полностью, они как бы сдвигаются в периферийные, маргинальные зоны общественной жизни и даются под контроль и «на откуп» силовикам и правоохранительным органам государства. Власть активно и явно использует социокультурные и экономические механизмы побуждения, развития у людей мотивации к деятельности, необходимой для государства и общества.

Но для повышения их эффективности и массовости целесообразно использовать средства массовой информации, обладающие высоким пропагандистским и мотивационным потенциалом. Эти формы информационно-манипулятивной деятельности особенно характерны для тоталитарных и авторитарных режимов.

Информационное общество не может существовать и развиваться без достаточно высокого уровня развития человека как субъекта познания, получающего и производящего информацию. Поэтому прямой обман, массовая дезинформация как средства и способы манипулятивного дискурса власти неэффективны и преходящи. По нашему мнению, более действенным и распространенным способом управления сообществом становятся особые технологии деформации субъектности социума, формирование с помощью власти дискурса превратных и ложных идентификаций у многих людей — от их простого отождествления с героями телесериалов до принятия идей национализма, эотеризма, бисексуализма и т.п. Превратное сознание и ложные идентификации превращают человека

в марионетку СМИ, в удобный объект политтехнологий. Данная проблематика имеет прямое отношение к теме нашей статьи, но требует специальных и глубоких исследований.

Для нашей страны несомненно важность и актуальность философского осмысления исторического опыта России, извлечения необходимых «уроков истории», поскольку многовековая повторяемость и даже цикличность разнообразных форм деспотизма, «смутных времен», войн и революций поневоле вызывает у многих людей чувство безнадежности и «исторического пессимизма». Однако власть данного негативного дискурса должна быть преодолена. Возросшее могущество и кризисный характер развития современной информационной цивилизации многократно увеличивают опасности и негативные последствия ошибочных действий и непродуманных решений власти в политической и других сферах общественной жизни. Поэтому необходимость комплексного осознания исторических процессов не только сохраняется, но и значительно усиливается.